
Л.И. Матюшенко, А.Г. Матюшенко

«Пророк»

Наиболее ярко процесс духовного и творческого перерождения поэта по воле Всевышнего передан в стихотворении «Пророк», написанном в 1826 году — под впечатлением от известия о казни пяти декабристов. Отсвет этого трагического события — в высоком, торжественном звучании пушкинского творения.

Как и многие произведения на тему поэта и поэзии, «Пророк» написан в индизобразительной форме. Однако если в раннем творчестве Пушкин использовал преимущественно образы античной мифологии, то здесь основой произведения становится Священное Писание — рассказ о чудесном видении пророку Исае. Церковнославянская лексика, господствующая в пушкинском творении, подчеркивает его неразрывную связь с библейским источником.

При всем различии исторических контекстов ветхозаветного повествования и пушкинского произведения основная тема двух текстов по существу одна и та же: это встреча избранной личности с Богом, обретение ею нового, истинного смысла жизни; благословение Господне на пророческое служение.

Прежнюю свою жизнь герой стихотворения уподобляет «мрачной пустыне»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился.

Иногда этим строкам исследователи дают широкое толкование: это исповедь падшего человека, страдающего от жажды духовной в мрачной пустыне грехов и стремящегося покаяться и воссоединить свою душу с Богом. В то же время здесь очевиден и автобиографический подтекст, а именно: напоминание о душевном кризисе, пережитом Пушкиным в 1823–1824 годах, и осознание поэтом исчерпанности тех идей и творческих принципов, которым он следовал в прошлой жизни.

Герой стихотворения рассказывает о том, как с Божьей помощью он преодолел кризис и пережил чудесное преображение всех своих способностей. Посланник Бога шестикрылый Серафим наделяет поэта-пророка удивительными дарами: это и «вещие зеницы», позволяющие видеть тайны Вселенной, и чуткий, обостренный слух. По воле Божьей поэт-пророк обретает способность проникать в тайны бытия. Об этом говорится в следующих строках:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Поэт-пророк получает возможность постигать законы дольного мира и приближаться к тайнам мира горнего. Все эти способности не были нужны поэту-романтику, оторванному в своих мечтаниях от реальности.

Чудесные свойства необходимы «поэту действительности» цель которого — познание окружающего мира во всей его глубине и многогранности.

«Празднословный и лукавый» язык заменен Серафимом на «жало мудрая (то есть мудрой) змеи»; на месте «сердца трепетного» оказался «уголь, пылающий огнем». Мудрость в сочетании с жаром сердца — необходимые качества поэта-пророка.

Заканчивается стихотворение обращением к герою самого Творца — с призывом к пророческому служению людям:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:

«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волю Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Следует отметить, что в этом стихотворении начертан некий идеал поэта-пророка — служителя Всевышнего. Пушкин со свойственной ему самокритичностью понимал, что сам он этому идеалу в полной мере не соответствует. Между тем необыкновенно важен сам факт появления программного произведения, в котором обозначены высшие цели художественного творчества. Эти цели, как мы знаем, запечатлены и в поэтическом завещании Пушкина — стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна...»